

Символизация в эпоху диджитал – меланхолия разбитых зеркал

П. А. Чеботкевич

Чеботкевич Полина Александровна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, магистр психологии (НИУ ВШЭ).

Через теоретические психоаналитические концепции от Фрейда до наших дней показано значение, которое символизация имеет в психоанализе. Язык и речь являются наиболее эффективным способом формирования репрезентаций, развития мышления и идентичности субъекта. Речь обнажает аффекты и конфликты, создавая палитры смыслов, позволяющих человеку развиваться психически и символизировать, присваивать опыт, в том числе травматический. Возможность назвать – это возможность справиться психически, а значит – развить мышление и селф. Диджитал-реальность, являясь тотально перцептивной средой, убивает репрезентацию, возможную лишь в отсутствие объекта. В цифровом мире все визуализировано, все персональное заменено на универсальное, слова – на знаки препинания и эмодзи, эмоции – на лайки и просмотры, юмор заменен мемами. Речь также становится аффективно уплощенной, избегающей конфликтов. Диджитал коммуникация директивна – она диктует правила получения одобрения и контакта, демонстративно игнорирующие все личное. При кажущемся многообразии форм и доступности общения люди переживают одиночество в сети, впадая в меланхолию. Невозможность прожить потерю объекта, поскольку он никогда не был найден, влечет нарциссическое отношение к объектам – все они являются лишь зеркалами. Такие объекты не инвестируются, являются частичными и заменяемыми, а следовательно, не происходит и развития через горе их утраты. На примере психоаналитической психотерапии пациентов поколения зумеров автор размышляет о том, каков обратный путь придания вербального, психического смысла переживаниям пациента, зашифрованным скупым языком диджитал-реальности.

Ключевые слова: символизация, репрезентация, диджитал, слово, нарциссический объект, речь, цифровой, десексуализация, отсутствие.

*«Темные улицы тянут меня к себе,
Я люблю этот город, как женщину "X".
На улицах люди, и каждый идет один,
Я закрываю дверь, я иду вниз.*

*Я знаю, что здесь пройдет моя жизнь,
Жизнь в стеклах витрин,
Я растворяюсь в стеклах витрин,
Жизнь в стеклах витрин».*

В. Р. Цой. «Жизнь в стеклах»

Символизация – работа по созданию репрезентаций, возможная лишь в отсутствие объекта. Уилфред Бион в своем докладе «Теория мышления» («*A Theory of Thinking*») утверждает, что мышление начинается там, где нет вещи, а, следовательно, есть Я, отдельно существующее от вещи, мыслящее о ней. Репрезентация, согласно словарю Лапланша и Понталиса, – психическое выражение эндосоматических возбуждений. Влечение, находясь на границе тела и психики, всегда происходит из перцептивного раздражения органов чувств, дальнейшая же его судьба зависит от того, может ли оно быть представлено психически, то есть репрезентировано. Репрезентация, то есть представление о чем-либо, возможна только в отсутствие самого перцептивного раздражения – то есть когда это раздражение и непосредственное влияние объекта на органы чувств человека заканчивается – возникшее из этого соматического возбуждения влечение оставляет мнестический след и запускает репрезентационную активность, в результате которой рождается репрезентация, а затем внутрипсихический объект – тогда уже формируется символ, рожденный в отсутствие объекта реального. Он возникает, когда есть возможность принять отсутствие объекта, соединить в одном объекте (ранее бывшем «двумя разными объектами – хорошим и плохим») обе части – то есть принять его амбивалентность и потерю. Символ используется не для отрицания потери, но для ее преодоления, пишет Ханна Сигал в статье «Заметки о формировании символа». Таким образом, происходит объективация окружающего мира, и одновременно с развитием мышления – способности субъекта принять отсутствие определенного и амбивалентного объекта и справиться с этой потерей – становится возможным и процесс субъективации, то есть коммуникация с собой с помощью символов, видения и принятия себя самого целостным и одновременно отделенным от утраченного такого же целостного объекта. Эта способность внутреннего диалога с собой, в свою очередь, является основой вербального мышления и необходимым условием для возможности коммуникации уже посредством слов, поскольку вербальное мышление является внутренним общением, связыванием смыслов посредством словесных (вербальных) символов друг с другом. Способность человека вести внутренний диалог на вербальном уровне предшествует и его способности вербально символизировать и во внешней коммуникации с другими объектами.

Таким образом, можно, исходя из концепции теории объектных отношений, указать на следующую цепочку умений индивида, постепенно развивающих Эго (Я) и делающих мышление способным к восприятию все более сложных, противоречивых и амбивалентных объектов, отношений и чувств: способность отделиться от объекта, объединить его символически из хорошего и плохого в целостный, соответственно, перестать присваивать себе его хорошие части и выбрасывать плохие, таким образом приняв амбивалентность и отделенность (неподвластность) объекта себе. После этого отделения других объектов, не являющихся собой Я, возникает способность увидеть свое Я и принять себя, признать существование себя не идеального, не способного бесконечно управлять любыми объектами, не всемогущего; символизировать объект и психически репрезентировать (представить его), таким образом, с помощью символизации справиться с тревогой сепарации и пережить потерю исчезающего неподвластного объекта, сохраняя себе в момент его отсутствия собственные внутренние репрезентации объекта как целостного – то есть не боясь потерять хороший объект или быть поглощенным плохим объектом (также способность галлюцинировать – представлять объект). Последнее влечет за собой возможность и самому не расщепляться вслед за объектом, который, будучи символизированным как целостный и амбивалентный, перестает восприниматься как преследующий и ускользающий.

Представьте себе ребенка, говорит А. Жибо, который теряет объект перцепции, но может опираться на внутреннюю репрезентацию матери во время ее отсутствия. Примером такой репрезентации является отбрасывание и возвращение катушки (репрезентации матери) внуком З. Фрейда – когда он возвращал ее по своему желанию. Во время отсутствия объекта создается его внутренняя репрезентация, благодаря чему развиваются и творческие способности ребенка. На этом примере Фрейд описывает то, как ребенок может проделывать работу по символизации отсутствующего объекта благодаря игре, которая защищает ребенка от ужаса безграничности потери – у игры есть правила, пространство и время, и игра подвластна воображению ребенка, – то есть одновременно с идеей игры, ее правилами и концепцией. У ребенка развивается воображение – тот самый мыслительный аппарат, который способен представлять, воображать.

Пространство и время неразрывно связаны в реальности, и оба эти фактора являются необходимыми атрибутами для запуска процесса символизации – ведь не только место, где отсутствует объект, должно быть безопасным, также должно быть безопасным и одновременно достаточным и время этого отсутствия. Ребенок ожидает удовольствия – прихода объекта, но он способен выдерживать это время и фрустрацию от того, что удовлетворение не появляется здесь и сейчас. Пространство, время и язык – те спутники, которые помогают ему развиваться фантазийно и переживать это отсутствие с пользой для своего психического развития. Дональд Винникотт в книге «Игра и реальность» пишет, что для того, чтобы появилась возможность для создания этого пространства для игры, не нужно, чтобы объект слишком долго отсутствовал, но и нужно, чтоб он

не был слишком присутствующим, слепленным, слишком близко. Однако игра в эпоху диджитал приобретает совсем иные правила, делающие ее безвыигрышной.

Поколение, появившееся на свет в 2000-х, оснащенных повсеместными интернетом и социальными сетями, с раннего детства попадает в своеобразное зазеркалье – мир, состоящий из бесконечных стекол гаджетов: смартфоны, планшеты, цифровые камеры, позволяющие запечатлеть без всякого труда тысячи кадров и видео и иметь к ним постоянный доступ, а также возможность практически непрерывно получать визуальный контент. Поскольку в общепринятой классификации поколение людей, родившихся в период с 1996 по 2017 год, называется поколением Z или «зумерами» («Hope and Rebirth: Psychoanalytic Reflections on Generation Z», 2022), этот термин будет использоваться в статье в этом значении.

Итак, люди поколения зумеров рождены фактически со смартфоном в руках. Выросшие под прицелом камер гаджетов, они и сами постоянно находятся в череде перцепций – экраны мониторов сопровождают их с самого рождения, делая из них одновременно постоянных актеров и зрителей, наблюдающих непрерывное шоу и участвующих в нем. Стекла камер, телефонов и планшетов, однако, не являются живыми объектами, а лишь их симуляциями, не имеющими психики. Соответственно, этому поколению с детства уготована странная и новая для психологии участь: всегда быть чересчур на виду внешне, при этом неконтентурируемыми и непонимаемыми, поскольку чувства, какими бы они ни были, должны будут упереться в стекло, а не быть разделены с другим, сочувствующим, живым человеком. Внешне очень видимое, это поколение не получает признания своих личных, индивидуальных чувств и осязания своих границ, поскольку диджитал-мир трансграничен – в нем нет ни временных, ни пространственных ограничений. При кажущейся доступности и непрерывности общения, когда возможно в любой момент установить контакт парой касаний пальцев, люди переживают одиночество, впадая в меланхолию среди миллионов таких же одиночек – ведь присутствие объектов в цифровой реальности иллюзорно, они всегда «онлайн», но всегда частично – в виде набора пикселей или знаков. Возможность видеозвонков и общения с родителями посредством интернета, телефона и текстовых, фото- или видеосообщений никогда не оставляет современных людей в одиночестве, предоставляя им симуляцию постоянного присутствия объекта, которое, как описано выше, препятствует развитию психики и символизации. Объект всегда иллюзорно и частично доступен, причем, в случае младенца и ребенка младшего возраста, – доступен внезапно, преследующе, без соблюдения временных границ. Пространственно нынешние дети тоже зачастую лишены возможности переживать отсутствие матери в одном и том же месте, иными словами, у ребенка не может сформироваться никакого привычного ощущения того, где и сколько он будет ожидать мать и когда и откуда она появится. Так же происходит и с миром взрослых современных пациентов и их отношений в том же мире быстро меняющихся и быстро заменяемых объектов, где, как уже было отмечено выше, нередки случаи, когда субъект не получает достаточного опыта

нахождения наедине с первичными объектами вне постороннего вмешательства, в силу большого количества социальных связей и предельной трансграничности общения. Младенец, попадая в этот мир, сразу становится окружен большим количеством объектов, часто меняющихся и не предоставляющих ему какой-либо стабильной неизменной связи с единством места, времени и образа действий (как это происходит в психотерапевтическом сеттинге). Если в прежние времена количество людей, окружавших ребенка с рождения, и связи между ними были более-менее стабильными, то в настоящее время мир совсем не таков. За более чем сто лет с момента возникновения первых трудов Фрейда общественная реальность изменилась кардинальным образом: внешний вид объектов может меняться сколь угодно часто, место пребывания младенца и его окружения меняется порой по нескольку раз в день, связи между родственниками зыбки, состав семьи может меняться много раз – матери выходят на работу, ребенка отдают на воспитание бабушкам, могут происходить разводы, смена партнеров обоими родителями, появление других детей и связей, возможны также перемена страны проживания и языка, на котором говорит окружение. Очевидно, что установить достаточно крепкую связь с матерью, которая сама пребывает в столь же нестабильной реальности, для младенца становится невозможно, что влияет в свою очередь и на процесс галлюцинирования объекта и его внутриспсихической репрезентации. Таким образом, сама реальность современного человека почти не оставляет возможности для успешной интериоризации объекта, обрекая его на меланхолию от невозможности проделать символический обратный путь обретения утраченного. 3. Фрейд описывает меланхолическое страдание от утраты не внешнего объекта, а части самого Я, то есть как нарциссическую утрату (3. Фрейд, 2004(а)).

В таком случае возникает соблазн замены качества связи с одним объектом количеством связей. Ведь если объект не слишком изучен, он не может восприниматься как уникальный, а если он не уникален, значит, заменяем, частичен. В словаре по психоанализу Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса описан частичный объект – «объект частичных влечений, при которых личность в целом не становится объектом любви» (Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис, 1996). Для людей с ненадежным объектом задача принятия объекта не угрожающим хоть в каком-то случае является довольно сложной. Жильбер Дяткин в своей работе «Пограничные состояния» со ссылкой на работу Андре Грина пишет, что такие пациенты «постоянно находятся в поисках психической дистанции, которая им позволит обезопасить себя от двойной угрозы внедрения объекта и его окончательной потери, поэтому их поведение крайне противоречиво, они желают только тех, кого боятся потерять, и бросают тех, кем они обладают, из страха, что объект полностью их захватит» (Green, 1979, p. 56).

Если объект заменяем и ненадежен, то сколько психических сил требуется объекту, чтобы избегать привязанности к такому объекту, сохранять дистанцию, изолировать от себя собственные чувства, скрывая их за интеллектуализацией, пустой речью, снами, связанными исключительно с текущими жизненными событиями. Живя в цифровом мире, будто в доме

без стен, где объекты исчезают и появляются на экранах мониторов, без всякой предсказуемости, и то покидают, то сваливаются, как снег на голову, преследуя и требуя внимания, современные пациенты зачастую обрекают себя на бесчувствие, как на наиболее экономически выгодный путь к существованию, и преодолеть это препятствие бывает довольно сложно, в том числе и психотерапевту, поскольку эти фрустрации не символизированы вербально. Речь их становится аффективно уплощенной, избегающей чувств, способных обострить внутренние конфликты и поднять из бессознательного нерепрезентированные аффекты.

Генри Кристал описывает это как признак алекситимии (Кристал, 2017), поскольку вербальная бедность является свидетельством бедности психической. Например, часто пациенты не способны представлять себе события или их возможное развитие в случае отсутствия фактических знаний о них. Если такой пациент и выдает некую историю из жизни, скажем, родителей, то при появлении любых пробелов в истории он останавливается в своем повествовании подобно путнику, внезапно встретившему на пути пропасть. Связывания на основе своего собственного опыта не происходит – в таком случае пациент просто говорит «я не знаю». Любые попытки со стороны психотерапевта побудить пациента к фантазированию и предположению наталкиваются на непонимание: знать и воспринимать перцептивно, буквально держать реальность под контролем и в фактической плоскости крайне важно для сохранения психической безопасности, в то время как любая фантазийная, дополненная, неизвестная и неконтролируемая реальность с другими данными или возможностями воспринимается как тот самый непостижимый, преследующий и необъятный безымянный ужас, неподвластный мышлению. Можно предположить, что данная «холодность» связана с той же боязнью зависимости от объекта и привязанности к нему и желанием тотального контроля над реальностью и избеганием ее расширения в глубь психического, которые были описаны выше как метод защиты от реальности в целом. Для этого объекты, даже будучи важными, должны оставаться полностью и без потерь заменяемыми (Кристал, 2017). Сны многих пациентов очень конкретны, связаны с ежедневными переживаниями и в буквальном смысле повторяют их, не обнаруживая ни сгущений, ни смещений, ни какой бы то ни было символизации.

В цифровом мире все визуализировано, все персональное заменено на универсальное, слова – на знаки препинания и «эмодзи», эмоции – на лайки и просмотры, юмор заменен мемами. Становится сложно фантазировать о чем-либо субъективном. При этом диджитал-среда активно использует контент, сужающий вербальную символизацию – комиксы, компьютерные игры, презентации, короткий видеоряд, – в ущерб вербальному выражению и осмыслению. Редукция языка и речи, одновременно с уменьшением возможностей мимического и телесного (жестового) самовыражения, и очень ограниченный набор эмодзи, смайлов, стикеров и мемов приводят к отсутствию себя и каких-либо чувств, которые

не укладываются в этот универсальный набор. В этих условиях индивиду приходится с младенчества учить язык зазеркалья гаджетов, как будто только он дает иллюзию внимания, весьма, впрочем, призрачную и ускользающую.

Система «*лайков*» – настоящий современный наркотик, это те самые символы общественного одобрения, валидации, которых зумеру всегда не хватает. Их отсутствие возбуждает в человеке колоссальную тревогу и желание действовать без возможности остановить гонку за одобрением. «Мир должен знать, что я ем» и «Не выложил – значит, не съел» – характерные, хоть и ироничные на первый взгляд, фразы-показатели того, что даже при получении базовых удовольствий (таких как еда) индивид в цифровой реальности не может получить полного удовольствия, если не получит одобрения подписчиков с помощью лайков. Нарциссическая подпитка внешним общественным Идеалом Я становится все более необходимой, и ее отсутствие лишает субъекта покоя, побуждая к постоянному демонстративному действию (*acting-out*), без возможности пассивизации, отсутствие которой, в свою очередь, свидетельствует о наличии именно оперативного функционирования, которому чужда пассивность (Смаджа, 2014). Зумер удостоверяется в своем существовании исключительно через внешнюю среду – он есть лишь то, что известно о нем миру и на что от мира есть обратная реакция, рефлексия, пусть даже выраженная только в форме «лайка». Постоянные тестирования окружения на получение реакции – так называемый «*пинг*» – становятся совершенно необходимым действием, вызывающим практически непрерывную зависимость, присутствующую даже во сне. Все подчинено не проживанию и собственному психическому развитию, но демонстрации существования. Для зумеров характерна крайняя озабоченность количеством просмотров, которое полностью заменяет собой качество связей и объектов, эту связь возвращающих. Все объекты становятся лишь чередой бесконечных зеркал, отражения в которых нужно приобретать любой ценой, невзирая на качество самого зеркала. В случае если «зеркало» не дало ответа, субъект немедленно спешит получить другие ответы, чтобы подтвердить себе свое существование, «*валидироваться*», как говорят зумеры. Эта нескончаемая гонка за своим отражением обедняет психику, становясь засасывающей воронкой зависимости от бесконечно меняющихся объектов – выкидывания «негодных зеркал» и поиска новых. Жизнь в непрерывном действии становится судьбой заточенного в зазеркалье объекта – разбивая одно зеркало, он сталкивается с новыми, которые постигнет та же участь – быть разбитыми при малейшей задержке в «отражении».

3. Фрейд в «Экономической проблеме мазохизма» пишет, что либидо младенца, пробуждаемое матерью, соблазняющей ребенка к жизни, встречается с влечением к смерти, которое призвано, разрушив организм и расщепив его до клеточного уровня, вернуть таким образом каждый элемент к стабильности – то есть к независимости от каких бы то ни было влияний, и движения (Фрейд, 2006). Данная фантазия о всемогуществе и творении мира своим присутствием в нем может быть достаточно точно проиллюстрирована игрой ребенка «в ку-ку», когда ребенок закрывает глаза

и в этот момент представляет, что он исчез и также исчез мир, порожденный только лишь им самим. Как часто современные пациенты прибегают к этому методу и во взрослой жизни, не желая смириться с непрерывностью и приматом реальности. «Я тебя не вижу – значит, тебя не существует», – в диджитал-реальности представлено огромное количество симуляций, позволяющих реализовать свою символическую смерть – отказ видеть другого, как бы уничтожающий другого. Цифровая реальность, выступая удобным и частичным дубликатом реальности, обладает массой способов симуляций данного ухода и символического уничтожения объектов или себя.

Алан Кирби в своей книге «Диджимодернизм. Как новые технологии упраздняют постмодерн и переопределяют нашу культуру» называет эту эпоху «культурой текста», однако лишённого индивидуальности, в отличие от предшествующих эпистолярных жанров, а само понятие «диджимодернизм» происходит не только от digital – цифровой, но и от digits в значении «пальцы» – когда печатание является действием, а не творчеством, ассоциацией или сублимацией. Движением пальца в этом мире создаются и разрушаются отношения, шлются подарки, цветы и письма, совершаются сделки, создаются музыкальные произведения (диджейский пульт), фантазия волшебной палочки фактически воплощена в жизнь. Еще в 1993 году в статье «Новые болезни души. Душа и мысленные представления» Юлия Кристева пишет: «Ибо всплывает утверждение: нынешние мужчины и женщины – которые снедаемы стрессом и стремятся к получению и трате денег, к удовольствиям и смерти – обходятся без репрезентации их опыта, которую мы называем психической жизнью. *Действия и непосредственный отказ* от них заменили интерпретацию смысла» (Кристева, 2005, с. 149).

Действия по уничтожению связей многообразны и в основном сводятся к буквальному стиранию объектов и коммуникации с ними из поля видимости так, как если бы отсутствие внешнего одновременно означало и отсутствие внутреннего. Блокировки контактов в социальных сетях и мессенджерах, удаления чатов или сообщений, не получивших ответа, отписки и отмененные действия – метафорически представляют собой ту самую игру «в ку-ку», сталкивающую субъекта со своим всемогущим одиночеством. Испытывая нарциссическую иллюзию уничтожения связи, субъекты диджитал-реальности обрекают себя на тотальное одиночество, в невозможности эту связь сохранять. При этом обратной стороной этого всемогущества является постоянный тягостный страх того, что и сам субъект может быть стерт другим.

В современном мире появилась даже специальная фобия точек – *пунктумофобия* – боязнь получить сообщение с точкой в конце. Эта тревога также относится к отсутствию смайлов в тексте, что воспринимается, особенно вместе с наличием точек, как признак негативного настроения визави. С психоаналитической точки зрения данный знак препинания действительно имеет крайне важное символическое значение в письменной речи и особенно – в диалоге. Точка разделяет себя и Другого – проводит совершенно очевидную и недвусмысленную

границу окончания речи. Этот символ интерпретируется как «я сказал все, что считал нужным, дальнейшее зависит от тебя» или «у меня нет вопросов, а значит, нет никакой нужды продолжать диалог, мы можем не продолжать его, я без него обойдусь» или же, что воспринимается еще более травматично, – «мне больше нечего сказать, я готов закончить диалог». В этом смысле точка воспринимается как отвержение, незаинтересованность объекта в общении и становится в буквальном смысле нарциссическим ударом для субъекта. Подобно закону отца точка разделяет слияние с объектом и кастрирует – делает любую коммуникацию небесконечной и лишает иллюзии постоянной доступности субъекта и его готовности отражать. Как закрывающаяся за матерью дверь детской на ночь, точка ставит некий предел, за которым объект уходит от субъекта к кому-то третьему, при этом одновременно обозначая твердость и бесстрастность, с которой этот уход производится. Объект не жалеет и не страдает оттого, что покидает субъекта, и это ранит больше всего.

Страх, связанный с неизбежностью разрыва связи, как было сказано выше, не дает возможности инвестировать объекты и саму связь либидинально. «Фрейд связывал различие между объектной инвестицией и нарциссической инвестицией с десексуализацией последней. В итоге направление влечений в сторону Я вызывает развитие нарциссизации лишь под прикрытием относительной десексуализации, необходимой для функционирования Я» (Коротецкая, 2021, с. 41). Десексуализация в данном случае касается не только объекта, но и самого субъекта, вынужденного для спасения себя от грядущего разрыва атаковать саму идею пары, *состоящей из двоих, и их уникальных отношений*. В перспективе, которую постструктуралисты видели уже во второй половине XX века, чрезмерная эротизация и сексуализация внешней реальности имеет следствием прогрессирующую десексуализацию, отказ от полоролевой идентичности и отрицание разницы полов и разницы поколений. «Управляемая разнузданность», как называет ее Бодрийяр, пропитана гнетущей тоской и представляет собой не что иное, как коллективную, обезличенную среду, где нет ни субъекта, ни объекта, а сексуальность становится нарциссической и скучающей сама с собой (Бодрийяр, 2021(a)). Тело, обладавшее мощным сексуальным потенциалом при вытеснении, запретности порнографичности, как «скованный страстный позыв», расколдовано во времена зумеров окончательно, лишено какой бы то ни было загадочности и очарования; бывшее некогда местом таинства, где происходит мощнейшая энергетическая связь двоих, в которой рождается новое, оно становится лишь манекеном, симулирующим идеальную сексуальность, но не имеющим пола. «Все бесполо, зато все – сексуализировано» (Бодрийяр, 2021(b)).

В статье Эвелин Кестемберг «Фетишистское отношение к объекту» отмечено, что «роль нарциссических инвестиций весьма значительна», – власть над объектом служит нарциссическому удовольствию субъекта от контроля над объектом. Учитывая это, несложно понять, почему общая десексуализация у поколения зумеров сосуществует с бисексуальностью достаточно бесконфликтно. Желание обладать половыми органами обоих

полов освобождает от необходимости контакта и дарит иллюзию аутоэротизма и ненуждаемости в объекте (Кестемберг, 2005). Бисексуальность в тандеме с десексуализацией обращает нас к идее самопорождения, идеальности, нахождения в себе самом всего, что нужно, и возможности дистанцироваться от другого. Атака на пару как отрицание разницы между полами и поколениями отсылает к нарциссическому всемогуществу и отрицанию отца, который разделяет с матерью, и матери как любовницы отца. Сексуальность обоих родителей, уникальная история пары, их связь и их чувства отрицаются. Идея «Я могу переспать с кем угодно» реализуется буквально. При этом атака на связь происходит в данном случае без конфликта и бунта, не доходя до эдипального осознания. Плотно застревая в нарциссических фиксациях, где любой объект, без разницы какой, инвестируется исключительно нарциссически и является не отдельным, а подвластным субъекту, субъект так и не преодолевает эдипов конфликт. Бисексуальность в данном случае также служит избеганию конфликта и мук выбора объекта как проявления воли и взятия на себя ответственности за принятое решение. Кроме того, это обеспечивает отсутствие очередного препятствия к заменяемости объекта – поскольку любой объект способен послужить зеркалом субъекту. Сама суть связи двоих, обладающей собственным творческим потенциалом и способной создавать новые уникальные отношения, отрицается: «...отношения человека к его родителям, к сестрам и братьям, к предмету его любви... то есть все отношения, которые до сих пор были предметом психоаналитического исследования и имеют право считаться социальными феноменами, становятся тогда противопоставленными другим процессам, названным нами нарциссическими, при которых удовлетворение первичных позывов от влияния других лиц уклоняется или отказывается» (Фрейд, 2001).

Характерным признаком стремления к асексуальности и отказу от связей и различий является устойчивая мода на два вида одежды, сами названия которой говорят о многом с психоаналитической точки зрения: унисекс и оверсайз. Десексуализация себя и максимально возможный отказ от всего телесного и индивидуально обозначающего самость, создание образов «как под копирку», без какой-либо непохожести на другого призваны сместить все акценты на реальность, в которой все одинаковы и заменяемы, поэтому никто не стоит ни привязанности, ни страданий от потери объекта. Клонированный бесконечным множеством воспроизводимых копий объект наиболее безопасен для коммуникации. Бодрийяр пишет: «Игра фасонов уступает место телесной игре, а та, в свою очередь, игре *моделей*» (Бодрийяр, 2021(b)). Таким образом, одежда теряет свой знаковый, «церемониальный» характер, которым она обладала во все времена до второй половины XX века, являясь знаком отличия, неким реквизитом для социальной роли (такое ее значение отмечает и Ж. Лакан). Но при этом процессе нейтрализуется не только одежда, а также и тело, когда нагота становится лишь симулятивной моделью тела, все более и более, в том числе с помощью моды, стремящегося к агендерности, то есть к стиранию разницы полов и отрицанию даже значения сексуального инструмента.

Отказываясь, таким образом, от проживания собственных конфликтов, потерь, аффектов, противоречий и влечений, субъект вместе с тем отказывается и от развития, его психика не укрепляется, а постоянная череда перцептивных симуляций удовольствий самого различного рода, всегда доступных и заменяемых, лишает возможности развить свою идентичность, определяя выбор в пользу уникального объекта, отказываясь (то есть принимая кастрацию) от других, а также возможности самому быть воспринятым в качестве такого объекта. Наслаждения и удовольствия становится невозможно достичь, поскольку ни один объект, из боязни его утратить, не инвестируется либидинально, но одновременно и сам субъект ощущает себя таким же заменяемым и лишенным особенности для кого-либо.

Пришло время обратиться к эпиграфу, выбранному для этой работы, – песне Виктора Цоя «Жизнь в стеклах». Эта метафора возникла из представления о том, что современный пациент психически существует как будто между двух стекол, дающих ему достаточно света, но совсем не дающих тепла человеческого восприятия: одно стекло отделяет его от внешнего мира – это стекло чужого смартфона или камеры, устремленное на него с рождения, в том числе первичными объектами, другое стекло – стекло его собственного смартфона – отделяет его от собственных чувств и желаний, поскольку пробиться к ним из-за неиссякающего потока информации, рекламы, симуляции коммуникаций и потребления непросто.

Кроме того, постоянная перцептивность опыта заслоняет от субъекта память о прошлом, воспоминания стираются и закрываются огромными и бурными потоками разноперой информации обо всем на свете, кроме самого человека. Психика, подобно растению, развивается, только уже не в тени другого, а в ярком свете разнообразных вывесок, кричащих слоганов, интернет-рекламы, мемов, кино, картинок, презентаций, слайдов, видео с TikTok и YouTube, которые светят так ярко, что от этого света и грохота слепнет и глохнет душа, но тепла это свечение не дает, а оно необходимо любому растению для развития – не только свет, но и тепло. Это депрессия не в тени черного солнца, а в его холодном электронном свечении от экранов гаджетов. Разговаривая с электронными помощниками, находя путь и расписание автобусов по навигаторам, а не спросив у прохожего, посылая смайл вместо слов «я тебя целую» и стикер – вместо букета цветов, люди отдаляются друг от друга, но, что еще более важно, – отдаляются от себя, все больше отрезая от себя все выступающие фрагменты, не вписывающиеся в «прокрустово ложе» предлагаемых системой символов.

Когда в результате такого невнятного и непонятного себе самим поведения двое все же сходятся, их ожидает череда страданий от реальной связи вне цифровой сети, которая скоро становится столь невыносима, что связи рвутся, причиняя боль обоим и оставляя ощущение тотального одиночества. Одиночества в сети. Однако и разрыв контакта в диджитале тоже невозможен окончательно – здесь каждый на виду у каждого, и лишь собственная дементализация через смерть речи и отсечение чувств может быть спасением от этого преследования всех всеми.

Часто пациенты диджитал используют речь как нечто чужеродное – чисто формально коммуницируя, но не включая в нее никаких аффектов, функционально, чтобы она не навредила им остротой какого-либо слова. Несмотря на скуку и безнадежность, которые это может вызывать у психотерапевта, важно помнить, что мы можем предоставить свою речь и свое психическое пространство для символизации, постепенно оживляя речь пациента, связывая, ища в его словах его репрезентации и аффекты, его конфликты и парадоксы, его личные маяки и якоря и его историю. Именно вокруг аффектов собирается идентичность, и боязнь страдания будет мешать этому развитию и исключать конфликт, не давая, таким образом, прийти через эти страдания к себе и своей идентичности.

В эпоху диджитал работа психоаналитика с символизирующей способностью субъекта, его возможностью говорить, связывать, ассоциировать, шутить, создавать вербальные метафоры и аллюзии к своему материалу представляется беспрецедентно важной, поскольку сами люди часто вообще разучаются это делать. Зачастую эта работа причиняет пациенту боль, поскольку связана с обнаружением конфликтов и парадоксов, уход от которых в нежелании с ними справляться и разрешать их и явился причиной дementализации и отказа от символизации. Важно помнить, что на этом пути мы можем встретиться с депрессией, и путь будет долгим, но необходимо быть терпеливым и дать пациенту и себе время, помня, что разговор, даже о болезненном и травматичном, делает богаче через страдания, ненависть, зависть, боль. Позволяет увидеть новые смыслы и ракурсы, почувствовать аффекты, присвоить себе образы и репрезентации, увидеть через них себя более полно, не через стекло.

Придавая переживаниям формы слов, разговаривая и проясняя с пациентами, что значит и какой смысл имеет для них принесенный в сессию материал, психоаналитик создает дополнительное, в том числе за счет своей психики и ее регрессиентности, безопасное пространство для их проработки и символизации, о чем пишет Сезар Ботелла в своих работах «О припоминании: понятие памяти без воспоминаний» и «Фигурабельность и регрессиентность». Становится возможным – преодолевая пустую защитную речь или молчание, – проживать аффекты, говорить о конфликтах, личном отношении пациента к чему-либо, о потерях и обретении репрезентаций своего опыта. Переживание, бывшее некогда немым и изолированным, переходит с помощью речи в психическое восприятие и развивает представление субъекта о себе. Именно с помощью диалога с другим пациент учится говорить о себе, находить свои слова, смыслы и представления, важные лишь для него, и получает все больше возможностей заменять внешние стереотипы внутренними, присущими только ему переживаниями, объектами и чувствами и опираться на них, а не на общепринятые бессмысленные клише. С помощью развития речи, репрезентаций, фантазии достигается одна из базовых задач развития собственной идентичности – появление способности переживать и репрезентировать отсутствие объекта. Страдания в связи с утратой, будучи обретенными в психике и названными, перестают нести с собой всеохватывающую и безымянную тревогу – речь облакает тревогу в границы слов и уменьшает

ее. М. Айзенштайн в работе «Требования к репрезентации» также пишет о работе аналитика и психоанализа: свободная ассоциативность создает реинтеграцию, разделяемую обоими главными действующими лицами, как условие «плавающего внимания». Представления гибко перемещаются по ассоциативным цепочкам, обеспечивая образность. Речь идет, согласно теории Фрейда, о превращении бессознательного в предсознательное с помощью репрезентаций слов. Тогда же, когда нет ни свободной ассоциативности, ни регрессии, ни доступных представлений, – единственными возможными инструментами являются инструменты аффекта или страдания, к которым мы можем получить доступ, даже если они выходят за рамки принципа удовольствия, включая то, что Ботелла называет «работой психоаналитика по переносимости». Это «эквивалент работы сновидения, кульминацией которой является особая форма мышления (регрессиентность), поскольку появляющаяся способность аналитика прослеживать новые связи в одновременности нескольких полей и уровней сеанса приведет к почти галлюцинаторной разборчивости связей между заметными эффектами речи анализируемого» (Aisenstein, 2010).

Работа символизации, как путь через аффекты, конфликты и страдания к ментализации, репрезентации собственного опыта и связыванию с помощью речи – называния, рассуждения, вопросов и прояснений – способна вывести пациента из замкнутого и холодного пространства диджитала в реальный, живой мир и позволить ему взглянуть на себя настоящего, не украшенного чужими «лайками». Задача психоанализа – сопровождать его в этом пути с чуткостью, терпением и интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. Р. Теория мышления. Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. Материалы Международной психоаналитической конференции. 13–14 декабря 2008 г. Москва / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитонов. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2008. 420 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2021(а). 384 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: РИПОЛ классик, 2021(б). 512 с.
4. Ботелла С. О припоминании: понятие памяти без воспоминаний // Международный психоаналитический ежегодник. Вып. 6. Избранные статьи из «Международного журнала психоанализа». М.: НЛО, 2016.
5. Винникотт Д. В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 240 с.
6. Грин А. Истерия и пограничные состояния. Хиазм. Новые перспективы. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2017. С. 311–342.
7. Дяткин Ж. Пограничные состояния // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Том II. № 1. С. 6–19.
8. Кестемберг Э. Фетишистское отношение к объекту // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 527–543.

9. *Коротецкая А. И.* Путь сновидения: от исполнения бессознательного желания к трансформационному процессу создания смыслов // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Том II. № 1. С. 37–49.
10. *Кристал Г. при содействии Д. Х. Кристала.* Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 544 с.
11. *Кристева Ю.* Душа и мысленное представление // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 145–168.
12. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
13. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.
14. *Сигал Х.* Заметки о формировании символа. URL: https://childpsychoanalysis.ru/wp-content/uploads/2021/11/Sigal-Hanna_Zametki-o-formirovanii-simvola.pdf
15. *Смаджа К.* Оператуарная жизнь: Психоаналитические исследования. М.: Когито-Центр, 2014. 256 с.
16. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия. Основные психологические теории в психоанализе. Мн.: Харвест, 2004(а). С. 176–193.
17. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я. Психоаналитические этюды. Мн.: ООО «Попурри», 2001. С. 422–480.
18. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020 (а). 512 с.
19. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020(б). 320 с.
20. *Фрейд З.* Тридцать первая лекция. Разделение психической личности. Основные психологические теории в психоанализе. Мн.: Харвест, 2004(б). С. 265–288.
21. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма // З. Фрейд. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 361–378.
22. *Aisenstein M.* Les exigences de la représentation, *Revue française de psychanalyse*, 2010, vol. 74, no. 5, pp. 1367-1392.
23. *Botella C. et S.* Figurabilité et régrédience. *Revue Française de Psychanalyse*, 2001, vol 65, pp. 1149-1239.
24. *Donnet J.-L.* L'humour et la séance. *Revue française de psychanalyse*, 2012, vol. 76, no. 5, pp. 1649-1658.
25. *Green A.* (1979) Le psychanalyste et la pensée habituelle. In *La folie privée*, Gallimard, Paris, 1990.
26. *Kirby A.* Digimodernism: How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture. N. Y. Continuum. vi, 282 p, 2009.
27. *Kristeva J.* Parler en psychanalyse. Des symboles à la chair et retour, *Revue française de psychanalyse*, 2007, vol. 71, no. 5, pp. 1509-1520.
28. *Kristeva J.* Translating Sadness, or Language as Anti-Depressant, *Figures de la psychanalyse*, 2013, vol. 26, no. 2, pp. 13-25.
29. *Lavallée G.* Quand la parole ne soulage pas, *Revue française de psychanalyse*, 2007, vol. 71, no. 5, pp. 1593-1602.

СЕМИНАРЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

1. *Сезар Ботелла*. Онлайн-семинар «Регрессиентность». 19 февраля 2021 г. Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.
2. *Жильбер Дяткин*. Онлайн-семинар «Особенности психоаналитического процесса». 24–26 февраля 2022 г. НИУ ВШЭ.
3. *Ален Жибо*. Онлайн-семинар «Техника и практика психоаналитической психотерапии с не-невротическими пациентами». 21–23 апреля 2022 г. НИУ ВШЭ.
4. *Рене Руссийон*. Семинар «Символизация и работа символизации». 27–28 сентября 2019 г. НИУ ВШЭ.
5. Конференция IPA «Hope and Rebirth: Psychoanalytic Reflections on Generation Z». 28 января 2022 г.

Symbolization in the digital era is the melancholy of broken mirrors

P. A. Chebotkevich

Chebotkevich Polina A., psychoanalytically oriented psychotherapist, Master of psychology (National Research University "Higher School of Economics")

Through theoretical psychoanalytic concepts from Freud to the present day, the significance that symbolization has in psychoanalysis is shown. Language and speech are the most effective way of forming representations, developing thinking and identity of the subject. Speech exposes affects and conflicts, creating palettes of meanings that allow a person to develop mentally and symbolize and appropriate experiences, including traumatic ones. The opportunity to name is an opportunity to cope mentally, which means to develop thinking and self. Digital reality, being a totally perceptual sphere, kills representation, which is possible only in the absence of an object. In the digital world, everything is visualized, everything personal is replaced with universal, words are replaced with punctuation marks and emojis, emotions are replaced with likes and views, humor is replaced with memes. Speech also becomes affectively flattened, avoiding conflicts. Digital communication is directive – it dictates the rules for obtaining approval and contact, defiantly ignoring everything personal. With the apparent variety of forms and accessibility of communication, people experience loneliness online, falling into melancholy. The inability to live through the loss of an object, since it has never been found, entails a narcissistic attitude towards objects – they are all just mirrors. Such objects are not invested, are partial and replaceable, and therefore, there is no development through the grief of their loss. Using the example of psychoanalytic psychotherapy of patients of the Zoomer generation, the author reflects on what is the reverse way of giving verbal, mental meaning to the patient's experiences, encrypted in the stingy language of digital reality.

Keywords: symbolization, representation, digital, word, narcissistic object, speech, desexualization, absence.